

KATARZYNA JASTRZĘBSKA
Uniwersytet Jagielloński

ПОСТСОВЕТСКОСТЬ КАК ТРАВМА? ПРОЗА РОМАНА СЕНЧИНА

Жизнь внутри катастрофы — привычное состояние героев Сенчина¹.

Роман Сенчин — прозаик из числа новых реалистов, подробно документирующий в своих произведениях жизнь на рубеже тысячелетий во всех ее проявлениях. С второй половины 90-х рассказы писателя публиковались в газетах и журналах Кызыла, Минусинска и Абакана. С 1997 года Сенчин стал постоянным автором журналов «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Дружба народов» и, несмотря на относительную молодость — писателю слегка за сорок — уже успел стать героем книги *Все о Сенчине. В лабиринте критики*² — сборника статей и рецензий более чем ста авторов.

По мнению литературного критика Сергея Белякова, «Россию девяностых и нулевых будут изучать по рассказам и повестям Сенчина, как мы изучаем Францию XIX века по романам Оноре де Бальзака и Эмиля Золя»³. Для большинства критиков и исследователей новейшей русской литературы Сенчин крайне пессимистичен в восприятии действительности. Согласно мнению литературоведа Алексея Татарина, «Роман Сенчин может испугать так, что запустятся в человеке механизмы самосохранения».

¹ К. Василенко, «Большая Книга — встречи в провинции», // «РИО Североморск» 2016, № 43, http://www.rioseveromorsk.ru/index.php?rub=view_articles&id=1239 (12.03.2018).

² В. Огрызко (ред.), *Все о Сенчине. В лабиринте критики*, предисл. того же, Литературная Россия, Москва 2013.

³ С. Беляков, *Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках*, // «Урал» 2011, № 10. Цит. по: *Все о Сенчине...*, с. 388.

ния, борьбы за собственную жизнь. Сенчин в границах своего текста не дает ни одного шанса на улыбку или подрагивание сентиментальной слезы»⁴.

О далеко не радужном диагнозе, поставленном писателем России рубежа веков, свидетельствует представленный в его произведениях типаж. Среди определений, которыми литературоведы характеризуют героев Сенчина, отметим следующие: «одинокий человек, мучительно страдающий от сознания собственного, бесконечного „опоздания”»⁵, «апатичный герой»⁶, «дегенерат»⁷, представитель «lost generation»⁸, и при этом «самый настоящий социальный тип»⁹. Как отмечают авторы пособия по новейшей русской литературе под заглавием *Герой черной лестницы (потерянное поколение)*: «Голосом писателя говорит та незащищенная часть общества, которая оказалась выброшенной на обочину в результате сломов и изменений последнего десятилетия»¹⁰.

В нашей оценке, поведенческие реакции, психическая и психологическая кондиция героев прозы Сенчина во многом схожи с клинической картиной посттравматического синдрома. Причины, вызвавшие этот синдром, обусловлены общественно-экономическими и моральными последствиями распада СССР.

В качестве дефинитивной формулы, позволяющей назвать явления общественно-политической жизни современной России, мы предлагаем использовать термин *травма-замещение*. Он достаточно точно отражает суть свойственных значительной

⁴ См. *Современный русский роман в диалоге со смертью: «Елтышевы» Р. Сенчина и «Письмовник» М. Шишкина* // А.В. Тамаринов (ред.), *Современный роман: русский и зарубежный. Сборник статей*, ZARLIT, Краснодар 2010, с. 28.

⁵ А. Рудалев, *Утренняя звезда*, // «Завтра» 2009, № 5. Цит. по: *Все о Сенчине...*, с. 241.

⁶ В. Пустовая, *Иск маленькому человеку*. Цит. по: *Все о Сенчине...*, с. 313.

⁷ О. Орлова, *Чужой Сенчин. Эстетика остранения*. Цит. по: *Все о Сенчине...*, с. 183.

⁸ Е. Погорелая, *Путь чувственности к духу*, // «Октябрь» 2008, № 5. Цит. по: *Все о Сенчине...*, с. 231.

⁹ С. Беляков, *Призраки титулярного советника*, // «Новый мир» 2009, № 1. Цит. по: *Все о Сенчине...*, с. 237.

¹⁰ В.В. Дергилева (сост.), *Герои черной лестницы (потерянное поколение): обзор художественной литературы*, «Чтение — тоже имидж!» вып. 13, отв. за вып. Е.Г. Наумова, Волгогр. обл. б-ка для молодежи, Метод.-библиогр. отд., Волгоград 2016, с. 5.

части российского общества определенных поведенческих реакций, взглядов, суждений и убеждений. Они, в сущности, формируются в ответ на общественно-политические и экономические перемены, инициированные перестройкой, а в особенности на факт распада СССР. При этом столкновение с реальной травмой — разоблачением катастрофических последствий тоталитарного режима — все еще вопрос будущего. Именно о такой подмене-замещении говорит Гасан Гусейнов в статье *Язык и травма освобождения*:

Реальная травма, нанесенная большинству населения СССР и Российской империи на протяжении всего XX века оказалась подменена высказываниями о «величайшей геополитической катастрофе». [...] Настоящая же травма (десятилетия несвободы, физическое истребление целых сословий, поголовная депортация народов, бессудные и незаконные расправы над людьми под любым предлогом) подменена свежей эмоциональной травмой распада государственной машины. Нужно только добавить: той самой машины, которая как раз и ответственна за первичную травму¹¹.

Герои Сенчина оценивают 1990-е годы как время возможностей, «когда с нуля — горлом, кулаками, за бутылку коньяка»¹² — можно было завести свое дело. Открыть бизнес, жертвуя при этом даже собственной жизнью, сталкиваясь с опасностями, «что ждали на пути к настоящему»¹³. Это время, когда «за гроши можно было приватизировать целые предприятия»¹⁴, и при этом «изворачиваться, чтоб выжить, выжить в прямом смысле слова»¹⁵. Однако в центре внимания писателя находятся, главным образом, не те, кто решился создать собственный бизнес (впоследствии оказавшись то ли в выигрыше, то ли в могиле), а именно обычные, рядовые россияне, которые в результате реформ (в частности, так называемой «шоковой терапии» Гайдара, начатой 2 февраля 1992 года) лишились средств к существованию. Сенчинские герои — в основном, жители глухой провинции, где крайняя бедность — реальность, как в случае поколения родителей — бывших работников колхозов и совхозов,

¹¹ Г. Гусейнов, *Язык и травма освобождения*, // «Новое литературное обозрение» 2008, № 94, <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/94/gg14.html> (12.03.2018).

¹² Р. Сенчин, *Елтышевы*, ЭКСМО, Москва 2009, с. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ Р. Сенчин, *Нубук*, ЭКСМО, Москва 2003, с. 137.

¹⁵ Там же.

потерявших работу учителей и работников культурно-просветительских учреждений, закрытых из-за отсутствия государственной финансовой поддержки, так и в случае поколения детей, единственная мечта которых — уехать в Москву или Петербург, где якобы у них будет шанс не только выжить, но и начать жить по-человечески. Молодой обитатель «скучной, бесцветной деревни»¹⁶ Рома (из романа *Минус*) признает, что «думая постоянно [...] о той обетованной земле [...] старался быть как всегда, тянуть ляжку сегодняшнего, не показывая, что сегодняшнее [ему — К.Я.] уже почти безразлично...»¹⁷. Однако большой город — вовсе не «земля обетованная»: москвичка Лена (из рассказа *Пусть этот вечер не останется*) помнит, что после того, как ее отец потерял работу, вся семья столкнулась с вполне реальной угрозой голода:

Тяжелое начало девяностых [...] часто переживала в памяти. Тогда голод, казалось, бродил совсем рядом с их домом и готов был ворваться. Папу сократили, он искал новое место, мама часто плакала; варили пшеничную кашу, от которой потом пекла изжога, ходили на Коломинский мясокомбинат за дешевой «некондицией»; вечера были тяжелые и тревожные, а утра — нервные, почти злые. Собирая Лену в школу, мама умоляюще говорила: «Поешь хорошо там, ясно?» На ужин не знаю, что будет¹⁸.

Яркий образ прошлого — призрак голода — остается для Лены воспоминанием сродни ночному кошмару: голод — нечто одушевленное, непредсказуемое, и всесильное, могущее ворваться в дом и овладеть его обитателями. Пережитый в детстве страх определяет будущее Лены: она становится продавщицей. Выбор героиней такой профессии в контексте одного из посттравматических синдромов переживших голод — необходимости быть в постоянной близости пищи — вполне можно интерпретировать как ответ на угрозу из прошлого: «Ей нравилось само ощущение, что вокруг много продуктов. Они были самой надежной вещью, самой верной защитой...»¹⁹.

У Сенчина необходимость выживать в условиях безработицы или крайне скудных заработков заполняет будни и отцов,

¹⁶ Там же, с. 31.

¹⁷ Там же, с. 19.

¹⁸ Р. Сенчин, *Пусть этот вечер не останется* // того же: *На черной лестнице. Рассказы*, АСТ: Астрель, Москва 2011, с. 300–301.

¹⁹ Там же, с. 301.

и детей. Представители старшего поколения, чье личностное формирование пришлось на советские времена, оказались неспособны к принятию самостоятельных решений — прежде все решала система, гарантировавшая относительное благополучие при условии послушного исполнения навязанных сверху задач. О будущем как о времени незыблемой стабильности — без особых взлетов, но и без потрясений — думал до поры до времени разменявший в начале нового тысячелетия пятый десяток Николай Елтышев (из романа *Елтышевы*, 2009):

Подобно многим своим сверстникам, Николай Михайлович Елтышев большую часть своей жизни считал, что нужно вести себя по-человечески, исполнять свои обязанности, и за это постепенно будешь вознаграждаться. Повышением в звании, квартирой, увеличением зарплаты, из которой, подкапливая, можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а в конце концов — и на машину²⁰.

Похожий тип сознания характерен и для поколения родителей Ромы, героя романа *Минус*:

Они у меня интеллигенты. [...] Из так называемых шестидесятников. До пятидесяти с лишним жили и думали, что живут правильно. Были убеждены: нужно хорошо работать на своем месте, и тогда все прочее тоже будет в порядке. Какое-то время судьба была на их стороне. Меня они воспитывали так же, по своим принципам²¹.

Молодое поколение, приобщенное родителями к определенному способу мышления и поведения, после распада СССР из-за резко изменившейся общественно-политической обстановки оказалось «внутри катастрофы». Пресловутая стабильность 1980-х осталась в прошлом, а помощи в условиях драматического снижения уровня жизни ожидать было неоткуда. Нагромождение трудностей в связи с курсом на политическую перестройку и последовавшими за ней экономическими экспериментами оборачивается как для детей, так и для их родителей безысходностью, тупиком. Власть, долгие десятилетия регулировавшая жизнь общества и угнетавшая проявления личной свободы, уникальности и независимости граждан, теперь бросила их на произвол судьбы. В полной мере безразличие власти и одновре-

²⁰ Р. Сенчин, *Елтышевы...*, с. 5.

²¹ Того же, *Минус. Повести*, АСТ: Астрель, Москва 2011, с. 69.

ПОСТСОВЕТСКОСТЬ КАК ТРАВМА?

менную безысходность обычного человека отражает ироничная парафраза известной застольной песни середины 1930-х годов:

Бывайте здоровы, живите богато,
насколько позволит вам ваша зарплата,
а если зарплата вам жить не позволит,
тогда не живите, никто не неволит²².

Герой *Минуса* — молодой человек Роман, монтировщик в театре в сибирском городке Минусинске, живущий в общежитии в двухместной комнатке — «пять не особо размашистых шагов в длину, два с половиной в ширину. Пара железных скрипучих кроватей, стол, две тумбочки, два стула. На гвоздях по стенам висят одежда и полотенца»²³, несмотря на убогость жилищных условий, более всего озабочен продовольственной составляющей существования. Продукты, еда — важнейшая составная рефлексий Романа: «жрать особенно нечего. Только картошка и хлеб. Картошка хоть и универсальный продукт, а уже не лезет»²⁴; «Грудю философской бредятины перечитал, сам, помню, даже пытался ответить. Теории разработаны. Недавно лишь понял, что смысл жизни — в добывании пищи»²⁵. Роман не в состоянии обеспечить себе должное питание — в качестве зарплаты он получает не деньги, а талоны, однако их тоже постоянно задерживают, но «обещают выдать со дня на день»²⁶. Время от времени героя подкармливает отец, привозящий из деревни «пирожки, кролика, еще что-то»²⁷.

Стремительный рост уровня безработицы, задолженность по зарплате, бешеные цены товаров, забота о пропитании, отсутствие каких-либо ориентиров, а также разгул олигархии и криминала — основные темы размышлений и кухонных разговоров героев Сенчина. Отражением чувства беспомощности,

²² *Бывайте здоровы* — белорусская застольная песня, написанная в 1936 году композитором Исааком Любаном (1906–1975) на стихи поэта Адама Русака (1904–1987). Всесоюзную известность и популярность на многие десятилетия получила в переводе на русский язык Михаила Исаковского (*Бывайте здоровы*), впервые опубликованном в 1937 году в газете «Правда». Благодарю за консультацию Дмитрия Клябану.

²³ Р. Сенчин, *Минус...*, с. 10.

²⁴ Там же, с. 13.

²⁵ Там же, с. 90.

²⁶ Там же, с. 84.

²⁷ Там же, с. 83.

безысходности и тревожного ожидания завтрашнего дня становятся фразы-маркеры: «совсем стало плохо»²⁸, «Теперь всего можно ждать»²⁹, «Если бы платили зарплату — жить (питаться) можно, а вот как без денег?»³⁰, «И дальше лишь мрак — наше общее будущее [...] Вот что с нами делают, парень!»³¹, «Только бабок нет. Живых, нормальных бабок, чтобы чувствовать себя человеком»³², «И самое обидное вокруг все слабы. Нету ни вождей, ни настоящих героев»³³.

Страх, беспомощность и незащищенность героев дополняется постапокалиптическим пейзажем — омертвленным и нагнетающим чувство совершенного одиночества. Действительность в *Минусе*, *Нубуке*, *Елтышевых* и других произведениях Сенчина изображается при помощи заполнения жизненного пространства артефактами почти погибшей цивилизации: «Заржавелые ленты рельсов»³⁴, «[...] кладбище техники. Сеялки, бороны, ржавые полуразобранные комбайны, кособокие „Кировцы” на сдутых колесах»³⁵, «улицы пусты и темны. Окна в избах плотно закрыты ставнями, ставни закреплены стальными крючьями, а те, в свою очередь, намертво привинчены болтами к стенам внутри жилищ [...]»³⁶, «почерневшие домики, глухие заборы из разномастных горбылин»³⁷, «Черные, пугающие пористые от старости бревна [...]»³⁸.

Работающие раз в неделю главпочтамты, закрытые фермы, магазины и библиотеки, умирающие огороды, мертвые двory, песчаная, истощенная земля, а везде «тихо, мертво [...] холодно, безлюдно»³⁹, а также преобладание черного цвета, маркирующего объекты, ассоциируемые с витальностью, — дома, двory, улицы — такова картина русской провинции рубежа веков, созданная Романом Сенчиным.

²⁸ Р. Сенчин, *Письмо из деревни // того же: Изобилие: Рассказы*, КоЛибри, Азбука-Аттикус, Москва 2011, с. 126.

²⁹ Там же, с. 128.

³⁰ Там же, с. 127.

³¹ Р. Сенчин, *Московские тени*, ЭКСМО, Москва 2013, с. 8.

³² Того же, *Минус...*, с. 96.

³³ Там же.

³⁴ Р. Сенчин, *Нубук...*, с. 46.

³⁵ Того же, *Минус...*, с. 101.

³⁶ Там же, с. 163.

³⁷ Р. Сенчин, *Нубук...*, с. 9.

³⁸ Того же, *Минус...*, с. 98.

³⁹ Того же, *Елтышевы...*, с. 93.

Единственным пространственным объектом в анализируемых нами произведениях, резко контрастирующим с всепоглощающей пустотой и омертвлением, является вещевой рынок, где продают: «бананы и книги, одежду, косметику, копченую рыбу, печенье, запчасти, туалетную бумагу, кассеты, столовые приборы»⁴⁰. В России 1990-х «Рынок — это особый мир, совсем не похожий на мир колхозных базаров [...] с добрыми бабушками за прилавком»⁴¹. Здесь царит суматоха и постоянное напряжение: покупатели терзаются сомнениями, торгуются, процесс покупки для них мучителен из-за нехватки денег. Силы быстро покидают и продавцов, озабоченных реализацией товара с коротким сроком хранения: «бананы с каждым днем чернеют сильнее и сильнее, начинают погнивать, а их все не раскупают»⁴². Среди хмурых, нервных продавцов немало бывших работников ферм, фабрик, предприятий, учреждений — людей, потеряв в «лихие девяностые» работу, вынуждены переквалифицироваться в огородников и попытаться выжить за счет натурального хозяйства. Важно подчеркнуть, что образ базарного торгаша, готового сбросить цену, «чтоб получить бумажки-деньги, без которых не проживешь»⁴³ — вовсе не квинтэссенция социального упадка. Бродящие по рынку среди гнилых, раздавленных овощей и пустых коробок нищие в поисках «чего-нибудь забытого, оброненного»⁴⁴ — вот пугающий всех статус, угрожающий вполне реально почти каждому, кто «лет пятнадцать назад жил [...] от аванса до зарплаты»⁴⁵.

Обстоятельства русской провинциальной жизни девяностых формируют два основных типа поведенческих реакций. Первый сводится к попытке ухода от реальности путем поиска утешения в алкогольной или наркотической зависимости. Такой путь выбирают те, кто «не чувствует, не ощущает никаких перспектив — кроме возможной перспективы устроить себе в близком будущем алкогольный или наркотический „праздник“. [...] Им надо встряхнуться — они пьют. Им надо забыться — они пьют»⁴⁶. Вто-

⁴⁰ Р. Сенчин, *Минус...*, с. 49.

⁴¹ Там же, с. 48–49.

⁴² Там же, с. 50.

⁴³ Там же, с. 55.

⁴⁴ Там же, с. 53.

⁴⁵ Там же, с. 51.

⁴⁶ В.В. Дергилева (сост.), *Герои черной лестницы...*, с. 5.

рой тип, которому также нередко сопутствует пьянство, сводится к **достижению поставленных целей насильственными методами**, агрессией. Герои Сенчина ругаются, заводят ссоры, вступают в драки и даже убивают (в романе *Елтышевы* глава семьи убивает четверых, в том числе и племянницу своей жены).

В конечном итоге оба типа поведения приводят к эмоциональной глухоте, т.е. неспособности к радости, любви, дружбе, состраданию, сопереживанию. Но вышеописанная аномия, по замечанию Ирины Роднянской, вовсе не началась с **расцветшего** в 1990-е годы культа денег⁴⁷ — начало ей было положено десятилетия назад, и в результате сформировалось несколько поколений, из сознания которых «были вымыты понятия о вине, грехе, раскаянии, высшем суде и милосердии, о любви к ближнему, как основе человеческой солидарности»⁴⁸. Это «вымывание», вероятно, стало возможным по целому ряду причин, в том числе из-за непроницаемого молчания власти о миллионной армии жертв тоталитарного режима, сталинских репрессиях, Голодоморе 1932–1933 годов, о голоде во время гражданской войны и блокады Ленинграда, о ГУЛАГе. На протяжении многих десятилетий было невозможно говорить на запрещенные темы, многое не высказано до сих пор — к примеру то, как вели себя люди в пограничных ситуациях, каким был их моральный выбор, кто — жертва, а кто — палач, а «если не применять это разделение, вопрос о вине теряет смысл»⁴⁹. Как замечает литературовед Илья Кукулин, «и сейчас таких средств, чтобы люди могли справиться со своими переживаниями, в русской культуре остро не хватает»⁵⁰.

«Лихие девяностые» не являются табуированной темой — свидетельством тому не только творчество Сенчина. Важно другое: общественная, политическая, нравственная ситуация того времени, исследуемая писателем, имеет куда более долгую

⁴⁷ См. И. Роднянская, *Под Атридов*, // «Вопросы литературы» 2010, № 3, <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/ro12.html> (12.03.2018).

⁴⁸ Там же, с. 346.

⁴⁹ См. Беседа с профессором кафедры литературы Лейденского университета Эрнстом ван Альфеном: *Холокост и ГУЛАГ: что остается после памяти? Постамять без постполитики в России: как определить «виновных»?», <http://gefter.ru/archive/17231> (12.03.2018).*

⁵⁰ И. Кукулин, *Историческая травма как культурное явление. 5 фактов о происхождении коллективных травм и способах работы с ними*, <https://postnauka.ru/faq/26580> (12.03.2018).

ПОСТСОВЕТСКОСТЬ КАК ТРАВМА?

историю и неразрывно связана с прошлым, однако большинство исследователей творчества Сенчина, за редким исключением (хотя бы статья Роднянской) не обращается к исторической перспективе, игнорируя советские корни постсоветского. Такой подход, в свою очередь, означает невозможность объяснить и понять настоящее и является наглядным примером определенного способа мышления о распаде СССР, характерного для довольно большой части русского общества. Понятие травмы, катастрофы связано именно с последствиями резкой смены политической и социальной парадигм в начале 1990-х, в то время как весь советский мир и его трагедии остаются неосмысленными. В этом заключается суть травмы-замещения. Одной из ключевых проблем остается вопрос: можно ли говорить о «травме постсоветского человека» вызванной реакцией на социальные трансформации и тем самым как-то сравнивать его ситуацию с психическими последствиями переживания массовых смертей близких, ставших жертвами тоталитарного режима?

Katarzyna Jastrzębska

POSTSOWIECKOŚĆ JAKO TRAUMA? PROZA ROMANA SIENCZINA

Streszczenie

W ocenie autorki artykułu sposób zachowania, jak również psychiczna i psychologiczna kondycja bohaterów prozy Romana Sienczina, przywodzi na myśl zespół stresu pourazowego, który w tym przypadku spowodowany został przeżyciami związanymi z rozpadem ZSRR. Dla określenia postawy reprezentowanej przez bohaterów licznych prozatorskich utworów autora *Rodziny Joltyszewów* zaproponowano termin *trauma zastępcza*, który, zdaniem autorki, trafnie określa istotę przyjętej przez część rosyjskiego społeczeństwa postawy (sposób reagowania, myślenia, reprezentowane poglądy, przekonania). Jest ona reakcją na zmiany społeczno-polityczne i ekonomiczne zainicjowane pieriestrojką, w szczególności zaś rozpadem Związku Radzieckiego. Przy czym warto zauważyć, że realna trauma, którą spowodowały dziesięciolecia funkcjonowania ludzi w warunkach reżimu totalitarnego, stanowi ciągle temat nieprzepracowany.

Katarzyna Jastrzębska

IS POST-SOVIETISM A TRAUMA? PROSE BY ROMAN SENCHIN

Summary

According to the author's estimation, the line of conduct, as well as, psychic and psychological conditions of the heroes of Roman Senchin's prose are similar in a lot of ways to the clinical picture of the post-traumatic syndrome. This syndrome is caused by the social, economic and moral consequences of the demise of the USSR. As a definitive formula that allows determining the phenomena of the social and political life of modern Russia, which are described in the prose works of Senchin, we suggest using the term *t r a u m a - s u b s t i t u t i o n*. It exactly reflects the contents of some line of conduct, views, judgments, and beliefs characteristic of a large part of Russian society. In essence, they are formed in response to the social, political and economic changes caused by the restructuring and in particular by the fact of the demise of the USSR. At the same time, collision with a real trauma, which is the unmasking of the catastrophic consequences of the totalitarian regime is still a matter of the future.